

Статья вышла в:

// Семантические, грамматические и когнитивные категории языка. – Юбилейный сборник в честь Почетного академика АН РБ доктора филологических наук профессора Леонида Михайловича Васильева. – Уфа, «Гилем», 2007. – С. 217 – 227.

----- < 217 > -----

С.Г. Шафиков

д.ф.н., БашГУ, г. Уфа

Лингвокультурология и типология: сопряжение парадигм

В последнее время в отечественном языкознании наблюдается повышенный интерес к изучению языка сквозь призму культуры, этноса сквозь призму языка, культурного фона сквозь призму коммуникативного пространства [Красных 2002: 13]. Этот интерес свидетельствует о рождении новой парадигмы, которая называется лингвокультурологией и которая декларирует взгляд, противоположный лингвистике языковых универсалий. В своей сильной версии лингвокультурология коррелирует с гипотезой лингвистической относительности, отличаясь лишь тем, что данная гипотеза стремится объяснить поведение давлением языковой формы на мышление, в то время как новая парадигма стремится вывести межъязыковые различия почти исключительно из своеобразия национальных культур, влияющего на мировидение, что, разумеется, отражается в языковых формах. Всплеск развития лингвокультурологии объясняется «изменением теоретических установок: от приоритета универсального, глобального – доминированию специфического» [Иванова 2004: 6].

Автор данной статьи не может не заметить, что интерес к изучению межъязыковых различий сейчас, действительно, доминирует по сравнению с поиском языковых универсалий, однако, как типолог продолжает оставаться в убеждении, что установление общего не менее, а даже более важно для языкознания, чем установление различий. Эти заметки, мотивированные, таким образом, желанием отстоять приоритет универсального над специфическим,

являются результатом прочтения весьма глубокой и полезной книги С.В. Ивановой [Иванова 2004]. Размышляя над прочитанным, автор сформулировал несколько положений, которые, будучи полемическими по характеру, могут тем не менее способствовать дискуссии о цели и задачах лингвокультурологии.

1. *Выражения, связанные со спецификой языковых форм, такие как “национальная/культурная/этнокультурная специфика”, имплицитно*

----- < 218 > -----

предполагают внеязыковое влияние на язык, а не влияние языковой структуры на мышление, связанное с этнокультурным поведением, что, очевидно, проистекает из интуитивно выводимого изоморфизма между языком, этносом и культурой. Некоторые лингвисты стремятся разграничить понятия, связанные с источниками языковой индивидуальности. Например, В.Г. Гак под национальной спецификой понимает все возможные случаи языкового своеобразия, в то время как «культурная специфика» языка всегда образует соответствие культурно обусловленной языковой единицы элементу менталитета или духовной культуры народа, его истории, верованиям, традициям и условиям жизни [Гак 1998].

Этнос, язык и культура суть принципиально разные образования, которые, хотя и пересекаются, не связаны прямой зависимостью. Существует много полилингвальных этносов, а также этносов, говорящих на одном языке. Например, французы говорят на четырех языках: французском, кельтском, баскском и провансальском, что не мешает их нынешнему этническому единству, вместе с тем, латиноамериканцы, говорящие по-испански, испанцами не являются; мало кто из ирландцев говорит на Irish Gaelic, поскольку родным почти для всех является английский, однако англичанами ирландцы не стали; на арабском языке говорит несколько разных народов и т.д. Кроме того, существуют сословные языки, например французский язык в Англии 12-13 вв., греческий в Парфии 1-2 вв. до н.э., арабский в Персии с 7 в. н.э. [Гумилев 2004: 46]. Как известно, в османскую армию янычары набирались из христианских мальчишек, которых обучали языку, исламу и военному делу, и матерями и бабушками турецких гвардейцев часто были люди разных этносов. Поэтому

гвардеец султана «слушал команду по-турецки, беседовал с матерью польски, а с бабушкой по-итальянски, на базаре торговались по-гречески, стихи читал персидские, а молитвы арабские <оставаясь при этом османом>, ибо вел себя, как подобало осману, храброму и набожному воину ислама» [Там же: 47]. Таким образом, язык и этнос не совпадают, следовательно, языковые структуры, общие для разных этносов, вполне позволяют выразить этническое своеобразие. Отсюда возникают два взаимосвязанных вопроса: 1) не отражает ли языковое своеобразие «дела давно минувших дней», которые никак не связаны с проявлением говорящей личности в этносе и культуре? 2) можно ли вообще говорить об этническом своеобразии, отраженном в языке, если не считать, разумеется, прямого отражения хозяйственной деятельности этноса в лексиконе? Автор данной статьи склонен дать утвердительный ответ на оба эти вопроса.

Понятия этноса и культуры также не совпадают, хотя отношения между этими понятиями гораздо сложнее отношений между языком и этносом. Этнос существует как элементарное природное образование между субэтносами, представителями этноса, с одной стороны, и суперэтносом,

----- < 219 > -----

который имеет культурологическую проблематику, с другой стороны. Субэтническое, этническое и культурное относительно и зависит от угла рассмотрения. Например, для татарина, проживающего в Башкирии, место проживания может иметь вполне определенное значение, поскольку на татар оказывает влияние башкирская культура и башкирский язык, однако в Москве он воспринимается просто как татарин, в Англии превращается в русского, а в Судане – в европейца, хотя и другого вида в отличие от западноевропейца. Следовательно, подобно тому, как во время войны «музы молчат, а говорят пушки», этнос отступает на задний план при взаимодействии культур. Соответственно, при межкультурной коммуникации с жителем Судана татарин будет представлять сопряжение таких парадигм как европейское образование и возможное мусульманское вероисповедание. Наоборот, при более «близком рассмотрении» этническое и субэтническое выходит на передний план.

Например, культура эллинизма, охватившая смежные народы после завоеваний Александра Македонского, воспринявших эллинскую культуру, включая язык, путем заимствования, привела к возникновению эллинского суперэтноса, хотя и не все эллинизированные этносы вошли в это суперэтническое образование, например карфагеняне и парфяне, в отличие от римлян [Там же: 170]. Культура как создание людей, исповедующих определенную систему ценностей, создавших творения искусства и шедевры технического мастерства, является мертвой без своих создателей. Однако, даже переживая свой этнос как природное образование, культура влияет на сознание, лепя из своих наследников новых носителей «до тех пор, пока потомки не перестают ее воспринимать» [Там же: 171].

Сложные взаимоотношения между этническим и культурным, с одной стороны, и языком, с другой стороны, не позволяют согласиться с утверждением о существовании только трех типов специфических признаков, которые отражаются в языке: признаки, общие для всего человечества, общие для группы локальных культур и общие только для данной культуры [Антипов 1989: 74]. Таких видов великое множество, учитывая этнические, субэтнические и суперэтнические переплетения на стыках времен и ландшафтов. Например, чтобы понять, как отражается этническая культура народа в русском языке, следовало бы учитывать индивидуальные проявления разных образований в рамках православной культуры, поскольку русские Киевской Руси и русские после Куликовской битвы суть разные этносы с разными стереотипами поведения, в том числе языкового поведения; кроме того, следует учитывать различия в субэтническом поведении великороссов, нарушавших брачную эндогамию, например казаков на юге, поморов на севере, землепроходцев, образовавших субэтнос сибиряков-челдонов, старообрядцев и т.д. Вместе с тем, вполне естественно, что «лингво-культурное исследование сосредоточено на анализе национальной

----- < 220 > -----

специфики, реализующейся в особенностях культурно-языкового взаимодействия» [Иванова 2004: 18], хотя бы в силу того, что в языковом

исследовании трудно практически разграничить культурный и этнический компоненты в языковой уникалии. Эти компоненты в содержании языковой единицы образуют слитое единство, поэтому можно, с определенной оговоркой, обсуждать проблему культурно-национальной специфики, хотя, строго говоря, признаки культурной и национальной общности суть разные признаки.

2. *Лингвокультурология и лингвистическая типология образуют две противоположные стороны одного процесса.* Если верно утверждение о том, что каждый язык, который находится в лоне определенной культуры, является специфичным, то так же верно и то, что ни один из мировых языков не является уникальным в смысле своего абсолютного своеобразия на всех уровнях языковой структуры и в речи. Так же, как нельзя абсолютизировать универсализм, так и невозможно говорить о культурных уникалиях, отраженных в языке, вне контекста языковых универсалий. Проводя более широкое обобщение, можно утверждать, что нельзя обнаружить абсолютно специфическое проявление чего-либо, которое уже не присутствует где-то в явном или свернутом виде. Как говорится в книге Экклезиаста, «нет ничего нового под солнцем», поэтому кажущаяся уникальность языковой категории, языкового типа, представленного пересечением разноструктурных признаков, или даже внутренней формы отдельной лексической единицы наверняка встречается в другой языковой системе.

В настоящее время за призывами к исследованию языка в контексте культуры и этнографии обычно скрывается нечто иное, как исследование индивидуальных, особых свойств рассматриваемого языка, который эксплицитно или имплицитно сравнивается с другим языком или другими языками. Если отбросить риторические реверансы в сторону этнокультурного фона, не подкрепленные, как правило, междисциплинарным анализом с привлечением данных из истории культуры и этноса, то сухой остаток лингвокультурологии представляет собой характерологию. Создатель характерологии Вилем Матезиус единственную цель этой дисциплины видит в возможно более глубоком исследовании конкретного языка, поскольку «все

попытки создания систематической научной типологии при настоящем уровне нашего знания преждевременны и поэтому ведут лишь к ненужному усложнению задачи» [Матезиус 1989: 18]. Отмежевавшись от одноуровневой структурной типологии, построенной на одном признаке, Матезиус создал в противовес ей сравнительную типологию, основанную на целой совокупности признаков разных уровней языковой структуры исходя из допущения об уникальности конкретных языков и, следовательно, неисчерпаемости типологических возможностей описания.

----- < 221 > -----

Таким образом, лингвокультурология оказывается перед выбором: 1) либо, сознавая свое лингвострановедческое происхождение, заниматься только описанием лакунизированной лексики, 2) либо поставить перед собой гораздо более амбициозную задачу: поиск и изучение всего, что есть в языках своеобразного и что проявляет себя таковым в межъязыковом сравнении, 3) либо искать свой собственный метод.

Первая альтернатива, вероятно, уже исчерпала себя и поэтому приводится здесь лишь как логическая возможность.

Вторая альтернатива представляется наиболее плодотворной, поскольку позволяет с помощью типологического (сравнительного) метода изучения языков дополнять лингвистику универсалий в рамках лингвистической типологии. Общим онтологическим допущением для родственных дисциплин, образующих истинное «сопряжение парадигм», является допущение о том, что конкретные языки суть особые формы проявления универсального. Проявление общего и индивидуального в языках выглядит менее симметрично, чем в философии, «в силу существования в языках абсолютно общего, то есть такого универсального, которое присуще всем языкам независимо от их происхождения, а также жизненных условий, культуры и уровня знаний их носителей» [Шафигов 2004: 10]. Происхождение универсалий объясняется разными гипотезами [Там же: 108-111], главной из которых является предположение об общности структур головного мозга, что объясняет закрепление полученного знания в виде общих для всех языков моделей

познания. Что же касается происхождения межъязыковых различий, то им можно найти различные объяснения, и одним из объяснений, разумеется, является этнокультурный фактор. Однако этот фактор не может объяснить огромной пестроты в означивании внешнего мира разными языками. Очевидно, большую роль здесь играет индивидуальное языковое творчество, которое не ограничивается рамками этноса и суперэтноса, а выступает поверх этих границ.

Третья альтернатива предполагает, что для того, чтобы лингвокультурология оставалась независимой и вместе с тем междисциплинарной наукой, ей необходимо выработать свой метод анализа, который может быть связан с обработкой материала с внелингвистических позиций. Поиск метода диалектически связан с установлением «совокупности важнейших логически обоснованных или эмпирически доказанных положений (утверждений), с помощью которых объясняется (модулируется) то или иной явление действительности» [Васильев 1990: 3], то есть с разработкой теории. Теория, как указывает Л.М. Васильев, «это результат познания, проверенный практикой, а метод – это применение созданной теории для добывания новых знаний и для создания на их основе новой, уточненной теории» [Васильев 1990: 4]. Без собственного теоретического аппарата лингвокультурология по большей части ограничивается лишь указаниями

----- < 222 > -----

на обнаруженные межъязыковые различия со ссылкой на соответствующие различия в культуре, хотя гораздо важнее объяснить, как эти различия сложились. Так же как необходимо превращение типологии из «ПОЧЕМУ-типологии» в «КАК-типологию» [Кибрик 1989], лингвокультурология из таксономической должна преобразоваться в объяснительную науку. С.В. Иванова, например, справедливо обращает внимание на различное представление универсальной категории ДОБРО в английском и русском лингвокультурном сообществах: английское представление о добре является более прагматическим, поскольку связано с пользой, в то время как русское представление является более универсальным, поскольку указывает на положительность добра [Иванова 2004: 22]. Видимо, в этом случае необходим

историко-культурологический анализ, который позволит увидеть трансформацию данного концепта в «добро вообще» для русского языкового сознания и «добро как польза» для западных носителей английского языка.

3. *Универсалий больше, чем уникалий, и они гораздо важнее для межкультурной коммуникации.* Это, казалось бы, очевидное положение доказывается взаимной переводимостью языков, в то время как проблемы, возникающие при переводе, составляют ничтожную часть почти любого текста. Межъязыковые различия являются, как правило, очевидными, выступающими на поверхности сравниваемых явлений, в то время как общее в языках почти всегда сокровенно [Шафиков 2004: 9], или, как пишет Р. Лангакер, поверхностное межъязыковое различие скрывает глубинное единообразие [Лангакер 1973: 246]. Единообразие, обнаруживаемое в конкретных языках представляется более важным, потому что позволяет надеяться на выделение квинтэссенции всех человеческих языков и определение общих для разных языков моделей, в которых закрепляется знание. Для межкультурной коммуникации гораздо важнее понимание того, что на всех широтах женщина находит свой путь к сердцу мужчины, каким бы извилистым он ни был, отражаясь в языке в виде слов-концептов любви [Шафиков 2006], на всех широтах человек смеется, когда ему радостно, и плачет, когда грустно, несмотря на то, что семантические поля РАДОСТЬ и ГРУСТЬ структурируются по-своему в каждом языке, на всех широтах человек строит свои отношения с себе подобными, и все это закрепляется в языках в виде моделей знания, общих для всех культур.

Ни одна языковая система как конечное образование не может претендовать на исчерпывающую репрезентацию бесконечного, однако бесконечное своеобразие языков будет постепенно съезживаться, как шагреневая кожа, в связи универсализацией стилей жизни и с увеличением экзогамии. Экзогамия приводит к сглаживанию антропотнических черт, на что в свое время указывал еще воинствующий Макар Нагульнов, уверявший, что в скором времени нации перемешаются, «и все станут приятно-

смуглявыми». Универсализация коснется всего этнически уникального, составлявшего в разделенном мире своеобразие в ношении определенной одежды, употреблении определенной пищи, соблюдении определенных поведенческих привычек. Современный житель с берегов Замбези, предки которого, здороваясь, терлись носами, сейчас в знак приветствия протянет руку, испещренную менее замысловатой татуировкой, чем рука белого человека. Американский гамбургер, английская яичница с беконом, украинский борщ, мексиканская тортилья, испанская оляя подрида или итальянские спагетти, несмотря на «национальный колорит», уже принадлежат всему миру, образуя универсальный набор, из которого каждый в соответствии со своим вкусом может выбирать. Мировые культуры погибнут в результате межкультурного общения и свободной любви, а глобализация вобьет последний гвоздь в гроб этих культур, превратив, например, язык Пушкина в язык кухонно-бытового общения. Мир, представлявший некогда огромное разнообразие культурных форм, стремительно сужается так же, как сужается окружающее человека здоровое экологическое пространство.

4. Языковое своеобразие не влияет (или почти не влияет) на проявление так называемого национального менталитета, этнического мышления, культурного сознания и т.д.

Как указывает С.В. Иванова, «несмотря на универсальный характер человеческого мышления, освоение окружающей реальности производится специфическим для данной национально-культурной реальности способом» [Иванова 2004: 22]. Например, пространственные отношения более детально фиксируются в английском языке, в то время как для русского языка обозначение взгляда вниз или вверх при различном расположении объекта зрения по отношению к человеку, фиксация движения по улице от центра или к центру, к говорящему или от говорящего, является избыточным. Здесь, однако, возникает вопрос, является ли четкая пространственная локализация действительно национально-культурной спецификой, закрепленной в этническом мышлении, или это языковая техника, которая не оказывает

существенного влияния на мышление и объясняется языковым типом? Как известно, при переходе на английский язык говорящая личность тем точнее фиксирует пространственные отношения, чем выше ее языковая компетенция, однако при этом сохраняет принадлежность к исконной национально-культурной общности, хотя, вероятно, форма этой принадлежности принимает несколько «размазанный» характер.

Вряд ли кто-либо возьмется утверждать, что межъязыковые различия определяются целиком и полностью культурой, ведь проблема межкультурной коммуникации существует и внутри одного этнокультурного образования в силу сосуществования разных вариантов одной и той же культуры у богатых и бедных, у людей физического труда и интеллигенции,

----- < 224 > -----

пожилых людей и молодежи и т.д. Поэтому, возвращаясь к примеру с категорией ДОБРО, легко представить себе, что независимо от национальной принадлежности, для одного человека добром является всеобщая польза, для другого – личная польза, для третьего – это просто философская категория, а для четвертого – это относительное понятие, которое может поменять знак на противоположный в зависимости от ситуации.

Язык, особенно его лексика, похож на лоскутное одеяло; у каждого «языкового одеяла» свой узор, своя «специфика», связанная в основном с национальной историей и географией. Вопрос, однако, состоит в следующем: влияет ли узор лоскутного одеяла на его функцию, то есть способность сохранять тепло спящего, или это есть внешний признак, никак не влияющий на комфортный сон? В этой связи можно полагать, что этносы разделены не внутренней, а внешней формой языков. Если не считать трудностей перевода или перехода с языка на язык, то достичь взаимопонимания для представителей двух разных этносов и культур ненамного труднее, чем понять представителя своего же этноса, обладающего своеобразным взглядом на мир, в силу индивидуально-генетического своеобразия, а также в силу привычек, приобретенных воспитанием и социальным положением.

В свое время Геббельс говорил, что, когда он слышит слово «культура», он хватается за пистолет. Сейчас, наоборот, соответствующее слово в лингвистике обросло настолько трепетной коннотацией, что избежать его упоминания либо невозможно, либо почти неприлично. Поэтому во многих исследованиях (особенно молодых ученых) в русле модного направления, в которых проводится обычный анализ языковых или речевых единиц, здесь и там делается почтительный кивок в сторону культуры. Однако вместо глубокого анализа зачастую варьируется тривиальная мысль: другая культура означает другой способ представления мира, в доказательство чего приводятся реалии или эквивалентные понятия «с национальной спецификой», или фразеологизмы с уникальной образностью.

Безусловно, фразеологические единицы содержат информацию о культуре, однако эта информация касается, главным образом, исторической культуры. Фразеологические единицы разных языков в основном семантически эквиваленты, а различаются внутренней формой, то есть образом, который лежит в основе номинации и способом представления этой формы в языке. Такая внутренняя форма носит «сиюминутный» характер, как застывшая музыка или остановившееся мгновение. Возникает вопрос: может ли случайность отражать национальный характер? Национальный характер меняется со временем, и то, что являлось в свое время существенным и характерным для национального мышления, сейчас представляется архаизмом. Ср. следующие примеры малоупотребительных коммуникативных фразеологизмов в русском языке: *куда конь с копытом, туда*

----- < 225 > -----

и рак с клешней; укатили сивку крутые горки; Улита едет, да когда-то будет; ты на гору, а черт за ногу; сказал бы словечко, да волк недалечко; семь верст до небес все лесом; свинья скажет борову, а боров всему городу; с суконным рылом да в калачный ряд; с собакой ляжешь, с блохами встанешь; не было ни гроша, да вдруг алтын; на чужой каравай рот не разевай; на тебе, Боже, что нам негоже; на волка слова, а овец таскает Савва; либо сена клок, либо вилы в бок. Из таких примеров нельзя сделать верного вывода о характере русского

национального сознания, поскольку архаизация какого-либо элемента пословицы или ее общий смысл делает ее вычурной в устах носителя современной городской культуры, которая является главной формой. Подобные пословицы никак не могут служить примерами национального характера русского этноса, ведь этнические стереотипы изменчивы, и то, что когда-то отражало соответствующий стереотип, теперь таковым не является. Как пишет Л.Н. Гумилев, «так называемый “национальный характер” – это миф, ибо для каждой новой эпохи он будет другим» [Гумилев 2001: 377]. Например, если в Викторианскую эпоху лексика делилась более строго по сфере употребления, то современный англо-американский сленг захватил практически все сферы. Если судить по весьма популярным голливудским «блокбастерам», в мышлении значительного числа американцев вполне приемлемым независимо от гендера считается употребление вульгарной лексики. Ср., например, *ass* «задница» и его языковые и коммуникативные производные типа *asshole* («заднепроходное отверстие», «тупица», «любая вещь, достойная презрения», «плохое, грязное место», «друг: ироническое обращение»), *my ass!* (это междометие звучит грубее, чем эквивалент *my foot!*), *excuse my ass!* (грубый ответ на извинение *excuse me!*), *get the lead out of your ass!* «шевелись!» (дословно: «убери свинец из зада»), *bust one's ass to do something* «стараться изо всех сил», «надрываться» (например: *I busted my ass to get just the thing I wanted*), *candy-ass* «трус» (дословно «конфетный зад»), *ass about with something* «неумело обращаться с чем-то», *ass something up* «приводить в беспорядок», *ass-brain* «тупица», *ass-polishing* «бюрократический», *ass-wise* «нелепый» и т.д. и т.п. – примерам несть числа [Кудрявцев 1993; Spears 1991].

Однако на русском языке соответствующие выражения могут звучать так же вычурно, как и русские пословицы, ср., например: *bring/take here your ass!* «неси сюда свою задницу!» или: *I can't save your ass* «я не смогу спасти твою задницу!» Перевод, безусловно, влияет на восприятие действительности, отраженной в языке, и неудачный перевод иноязычного текста на родной язык подчас влияет больше, чем удачный, хотя это влияние трудно назвать позитивным. При просмотре зарубежных телепрограмм и фильмов,

переведенных с английского на русский язык, можно обратить внимание на неудачные переводы собственных имен, имеющих общечеловеческое

----- < 226 > -----

значение: Шипио (Сципион Африканский), Вёрмер (художник Ян Вермеер), Хэннибал (Ганнибал), Маркус (Марк Антоний), Энтони (Марк Антоний из фильма «Антоний и Клеопатра»), Клаудиус (император Клавдий), Апóлло (космический корабль «Аполлон»), Дант́ Данте Алигиери) , Мáксимус (Максим, герой американского фильма из римской жизни) и т.д. Влияние русской культуры при переводе на соответствующий язык, безусловно, должно играть решающую роль, а вместо этого переводчик слепо следует фонетическому образу оригинального текста, который принадлежит другой культуре. Можно также указать на примеры неправомерного использования эквивалентных слов при описании исторических реалий, по-разному отраженных в современных культурах. Например, в англоязычной культуре слово *general* имеет более широкое значение, чем русский эквивалент *генерал*, поэтому вряд ли целесообразно, как это делается в упомянутых программах, называть марка Красса генералом (так же нелепо звучит обращение «сэр» в адрес префекта легиона, называемого дивизией), а Гэфестиона, сподвижника и друга Александра Македонского, называть его лейтенантом. С точки зрения русской культуры называть Гэфестиона лейтенантом так же абсурдно, как одевать в колготки римских легионеров из «оскароносного» фильма «Гладиатор». Эти и подобные примеры, показывающие, как язык преломляется (или «переломляется») сквозь призму культуры под влиянием другой культуры вероятно, также должны представлять интерес для лингвокультурологии.

ЛИТЕРАТУРА

Антипов 1989 – Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры. – Новосибирск: «Наука», Сиб. отд., 1989. – 197 с.
Васильев 1990 – Васильев Л.М. Теория и методология современного языкознания (Принципы знаковости и формальности языка). – Уфа: РИО БашГУ, 1990. – 60 с.

- Гак 1998* – Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
- Гумилев 2001* – Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Айрис пресс, 2001. – 556 с.
- Иванова 2004* – Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 150 с.
- Красных 2002* – Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
- Матезиус 1989* – Матезиус В. О лингвистической характерологии // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989, 25: 18-26.
- Шафиков 2004* – Шафиков С.Г. типология лексических систем и лексико-семантических универсалий. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 224 с.
- Шафиков 2006* – Шафиков С.Г. Любовь: категория или концепт // Языковые и речевые единицы в разных языках. – Уфа: РИО БашГУ, 2006: 3-36.
- Langacker 1973* - Langacker R.W. Language and its Structure. – N.Y., 1973.

----- < 227 > -----

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Кудрявцев 1993* – Кудрявцев А.Ю., Куропаткин Г.Д. Англо-русский словарь справочник табуизированной лексики и эвфемизмов. – М., 1993.
- Spears 1991* – Spears R.S. Dictionary of American Slang. – М., 1991.